Ацуси Накадзима

Луна в горах

Произошла эта история в последние годы правления династии Тан.

Молодой Ли Чжэн из Лунси обладал большим талантом к наукам и был прилежен в учении, поэтому неудивительно, что он с блеском прошёл испытания кэцзюй[1]. Вскоре после экзаменов Ли Чжэна назначили на пост начальника гарнизона в долине Нижней Янцзы.

Но не в меру гордый и упрямый Ли Чжэн считал столь низкую должность недостойной своих дарований. Скопив немного денег, Ли Чжэн бросил службу, вернулся на родину и стал жить отшельником, решив посвятить всего себя поэзии. Куда лучше, думал он, быть великим поэтом, известным всей Поднебесной, чем до конца жизни ублажать чванливых вельмож.

Но сказать всегда проще, чем сделать. Ли Чжэн быстро остался без гроша в кармане, а слава к нему так и не пришла. День ото дня он становился всё раздражительнее. Когда-то красивого и одарённого мужчины, пышущего здоровьем, больше не было. Вместо него на мир сверкающими голодом глазами смотрел истощённый человек с жёсткими чертами лица.

Прошло несколько лет, и Ли Чжэн, не в силах больше терпеть муки бедности, вернулся к должности мелкого чиновника на востоке страны. Но нужда была не единственной тому причиной. Ли Чжэну было трудно себе в этом признаться, но он попросту сдался.

Его сверстники к тому времени уже дослужились до высоких чинов, и Ли Чжэну приходилось выполнять приказы людей, которых он в прошлом считал глупцами и бездарями. Нетрудно представить, каким унизительным казалось Ли Чжэну его теперешнее положение. Тоска и отчаяние доводили его до безумия.

Так прошёл ещё год. Как-то раз, Ли Чжэн отправился в поездку по делам государства и остановился переночевать на постоялом дворе близ реки. Там-то он и сошёл с ума окончательно: посреди ночи он внезапно вскочил с кровати с жутким выражением на лице и, выкрикивая нечто нечленораздельное, выпрыгнул из окна и скрылся во тьме – только его и видели. Утром люди прочесали окрестности в поисках Ли Чжэна, но его и след простыл. Что с ним в итоге случилось, никто так и не узнал.

Год спустя, государственный служащий Юань Цань по поручению императора путешествовал из провинции Чэньцзюнь в город Линань. По пути он остановился отдохнуть в Шанъюе. Когда же на исходе следующего дня он снова засобирался в дорогу, хозяин постоялого двора попытался задержать его. Тот рассказал Юань Цаню, что рядом с дорогой, ведущей из города, на людей нападает огромный тигр. «Ночью на этой дороге очень опасно, - сказал хозяин, - поэтому вам лучше продолжить путь с утра». Но Юань Цань не послушался совета: с ним были опытные солдаты, а потому он, не медля больше ни секунды, отправился в дорогу.

В тусклом свете луны Юань Цань со своей свитой кое-как добрался до густого леса, как вдруг из зарослей на тропинку выпрыгнул тигр. Тигр уже было собрался наброситься на Юань Цаня, но в последний момент его будто что-то остановило – он развернулся и снова скрылся в чаще. Однако из места, где спрятался тигр, неожиданно послышался человеческий голос, бормотавший что-то вроде: «Ещё чуть-чуть… и ты бы погиб!»

Голос показался Юань Цаню знакомым. Всё ещё не веря своим ушам, Юань Цань воскликнул:

- Неужели это ты! Мой старый друг, господин Ли Чжэн!

Юань Цань сдавал кэцзюй вместе с Ли Чжэном, и был одним из немногих его друзей. Только у Юань Цаня хватало терпения и широты души сносить резкий и подчас неприятный характер Ли Чжэна.

Сначала ответа не последовало – из чащи доносились только слабые звуки, напоминавшие плач. Но вскоре скрывавшийся в зарослях пробасил:

- Да, это я, Ли Чжэн из Лунси.

Юань Цань, позабыв про испуг, спешился и подошёл к месту, откуда слышался голос:

- Ли Чжэн, почему же ты не выйдешь поприветствовать старинного товарища?

- Я не посмею, - отвечал Ли Чжэн, - оскорбить взор дорогого друга своей жуткой внешностью. Я больше не человек. Вид мой не вызывает ничего, кроме страха и отвращения. Но я так счастлив случайно встретиться с тобой!

- Юань Цань, - продолжал голос, - теперь я не тот Ли Чжэн, которого ты когда-то знал. И всё же, не согласишься ли ты немного поговорить со мной, хотя бы во имя нашей дружбы?

Когда Юань Цань впоследствии вспоминал о той ночи, он не переставал удивляться самому себе: как он мог без малейших колебаний поверить истории о тигре-оборотне? Но тогда он, не раздумывая, приказал своим подчинённым расположиться на привал, а сам продолжил разговаривать с голосом из чащи. Юань Цань рассказал ему последние сплетни столицы, новости об их общих знакомых, а также о собственном повышении. Выслушав вопросы и поздравления и с радостью признав знакомую манеру вести беседу, Юань Цань решился спросить, что именно произошло с Ли Чжэном. И вот что поведал ему Ли Чжэн:

- Около года назад, когда меня отправили в поездку по какому-то поручению, я остановился переночевать на постоялом дворе возле реки Жу. Посреди ночи я услышал, как кто-то зовёт меня по имени. Голос как будто доносился снаружи. Я вышел со двора, но голос продолжал звать меня, заманивая в лес, во тьму. Не успел я опомниться, как я уже бежал на четвереньках, перепрыгивая через камни и ощущая невероятную мощь, заполнившую всё тело. Я видел, как густая шерсть постепенно покрывает мои руки, локти, плечи… Утром я набрёл на горный ручей. Заглянув в его прозрачные воды, я увидел не своё лицо, а злобную морду тигра. Сначала я подумал, что всё это просто сон. В конце концов, я часто видел странные сновидения и раньше. Но время шло, а я всё не просыпался. И тогда настоящий ужас охватил меня.

От мысли, что дальше может произойти нечто ещё более жуткое, становилось только страшнее. Я пытался понять, почему это случилось именно со мной. Но я не знал. Люди вообще ничего не знают. Не знать причин и смиренно принимать всё, что ниспошлёт судьба. Не знать смысла и всё равно продолжать жить. Такова человеческая доля. Лёжа там, на берегу ручья, я хотел умереть. Но вдруг мимо пробежал заяц, и человек во мне исчез. Придя в себя, я ощутил вкус крови во рту и увидел растерзанную тушку зайца перед собой.

Так я и превратился в тигра. Я не в силах рассказать тебе, что ещё мне приходится совершать в тигрином обличье. Правда, иногда человек внутри меня просыпается. Хоть и всего лишь несколько часов в сутки, но я снова могу говорить, мыслить и даже рассуждать о литературе. Но от этого мне не легче, ведь человек видит и понимает всё, что натворил тигр. Мне мучительно больно думать, на что ещё я способен в беспамятстве. К счастью, в сознание я прихожу всё реже и реже. Раньше я много размышлял, почему я превратился в тигра. Теперь же я часто думаю о том, почему я вообще когда-то был человеком. Ужасно, правда? Я чувствую, что остатки разума вскоре навсегда покинут меня. Зверь заберёт моё прошлое, подобно тому как пески забирают себе древние города, и тогда во мне не останется ничего человеческого. Если мы встретимся ещё раз, то я не узнаю в тебе давнего приятеля и без промедлений порву тебя на куски.

Сказать по правде, я верю, что все – и люди, и звери – изначально были чем-то другим. Какое-то время они помнят об этом, но постепенно забывают. Им начинает казаться, что они всегда были собой. Но мне уже всё равно. Я стану намного счастливее, если навсегда забуду, что был рождён человеком. Однако человеческое самолюбие по-прежнему мучает меня. Забыть самого себя – что может быть более пугающим, удручающим, трагичным? Разве могут другие понять, что я чувствую? Нет. Во всяком случае, пока не окажутся на моём месте.

Юань Цань с замиранием сердца слушал этот удивительный рассказ. Ли Чжэн немного помолчал, а затем сказал:

- Юань Цань, у меня есть к тебе просьба. Всю жизнь я стремился стать поэтом. Это была моя единственная мечта, но она так и не осуществилась. Никто так и не прочёл хотя бы одного моего стихотворения, а я написал их несколько сотен. Сейчас те рукописи уже не найти, но некоторые из своих стихов я помню наизусть. Умоляю, запиши их с моих слов и покажи людям! Я больше не мечтаю о славе, но душе моей не будет покоя, если всё, чем я жил, уйдёт в забытье вместе со мной.

Юань Цань приказал своим людям принести кисти и бумагу. Ли Чжэн без запинки прочитал тридцать длинных и коротких стихотворений, изысканных по форме и прекрасных по содержанию. Человек, написавший их, был, безусловно, одарённым поэтом и мастерски владел словом. И всё же – Юань Цань чувствовал это – стихам Ли Чжэна чего-то недоставало. Они были хороши, но не более того.

Закончив выступление, Ли Чжэн внезапно проговорил с издёвкой в голосе:

- Только посмотрите на меня! Во мне не осталось ничего человеческого, а я до сих пор лелею надежду, что однажды сборник моих стихов окажется на столе какого-нибудь

учёного мужа! Вот о чём я мечтаю, лёжа на полу в пещере! Ну же, смейтесь над глупцом, который не смог стать поэтом, поэтому стал тигром! Смейтесь громче!

Но все собравшиеся слушали Ли Чжэна в грустном молчании. Тогда Ли Чжэн продолжил:

- Что ж вы не смеётесь? Быть может, стихотворение заставит вас улыбнуться? Позвольте мне в последний раз выразить чувства в стихах! Позвольте мне в последний раз почувствовать себя человеком!

Юань Цань подал слугам знак записать и это стихотворение тоже. Звучало оно так:

Из рук судьбы я вырваться не мог:
Сошёл с ума и стал свирепым зверем,
Я был высоким идеалам верен,
Но когти и клыки – мой страшный рок.

Везёт двуколка вас к жене домой,
Меня же лапы тянут в чащу леса.
Луна в горах – изящный страж небесный,
Я ей пою, но песнь моя – лишь вой.[2]

Но вот свет луны поблек, и трава покрылась прозрачной росой. Прохладный ветерок, шелестящий листьями деревьев, возвестил о приближении рассвета. Люди, поражённые историей Ли Чжэна, оплакивали судьбу несостоявшегося поэта. Тут голос Ли Чжэна прорезал утреннюю тишину:

- Я ошибался, говоря, что не знаю, почему моя жизнь сложилась именно так. Ведь ответ, на самом деле, прост. Будучи человеком, я всячески избегал других людей. Все меня считали заносчивым и самовлюблённым. Но я был таким, скорее, из-за неуверенности в себе. Разумеется, я гордился, что был умнее и способнее остальных мальчиков в моём родном городке. Только гордость моя была робкой, трусливой. Я хотел стать известным поэтом, но я не выбрал себе наставника и не искал компании других литераторов, чтобы обучиться у них мастерству. С другой стороны, я считал ниже своего достоинства водиться с простыми людьми, не имеющими ни малейшего понятия о поэзии. Вот к чему привели меня робкая гордость, надменная застенчивость! Я боялся, что у меня нет таланта, поэтому избегал работы над собой. Но надежда на то, что я – особенный, не давала мне уживаться с обычными людьми.

Постепенно я всё больше отдалялся от окружающих. Мою трусливую гордость постоянно подпитывали злоба, стыд и жалость к самому себе. Говорят, каждый из нас борется со своим внутренним зверем, и зверь этот – наша истинная суть. Гордыня была моим зверем. Гордыня была тигром, разорвавшим меня на части, принесшим несчастья моей семье, оттолкнувшим от меня друзей и, самое главное, изменившим мой облик. Теперь я выгляжу сообразно своей душе. Я понял, что растерял даже те крупицы таланта, которые у меня некогда были. Я говорил, что жизнь слишком долгая, чтобы не делать ничего, но слишком короткая, чтобы сделать что-то значимое. Но то было лишь жалкой попыткой оправдаться, уйти от обвинений в бездарности, оградиться от боли поражения.

Я встречал куда менее талантливых людей, чем я сам, но они со временем стали блестящими поэтами, потому что не испугались трудностей и без устали оттачивали своё мастерство.

Я горько жалею об утраченном времени. И я не могу снова стать человеком. Даже если я сочиню самое прекрасное на свете стихотворение, разве кто-нибудь теперь о нём узнает? С каждым днём во мне остаётся всё меньше человеческого, но я всё равно горюю о прошлом, ушедшем без возврата. В минуты невыносимой боли я забираюсь на вершину горы, и скалы содрогаются от моего воя. Пусть так! Я хочу, чтобы кто-нибудь пожалел мою душу, сгорающую от тоски. Прошлой ночью я опять был на горе и выл на луну в надежде, что кто-нибудь меня поймёт. Но даже звери, едва заслышав мой голос, тут же прячутся. А горы, деревья, луна и роса просто считают меня безумцем, рычащим от ярости. Ни на небе, ни на земле не найдётся никого, кто бы понял мои чувства – будь я непобедимым тигром или уязвимым человеком. Моя шерсть мокрая вовсе не из-за утренней росы…

Тьма растворилась в первых лучах солнца. Издалека послышались крики петухов, приветствовавших новый рассвет.

- Я чувствую, как во мне снова просыпается зверь, - сказал Ли Чжэн, - Но я должен попросить тебя ещё кое о чём, Юань Цань. Я не достоин твоей доброты, но я молю тебя, позаботься о моих жене и детях. Не дай им погибнуть от голода и холода. И когда вернёшься с юга, скажи им, что я умер. Я не хочу, чтобы они знали, во что я превратился.

- Прошу тебя. Я буду вечным твоим должником, Юань Цань, - голос Ли Чжэна дрожал от подступивших рыданий.

Юань Цань тоже не смог сдержать слёз и пообещал выполнить последнюю волю друга.

- Ну что я за человек такой! - сокрушался Ли Чжэн, - Любой на моём месте попросил бы об этом в первую очередь! Мужчина, больше заботящийся о своих жалких стишках, чем о жене и детях, заслуживает такой участи!

Юань Цань попытался было успокоить Ли Чжэна, но тот резко прервал его:

- Настало время прощаться. Никогда больше не возвращайся сюда. Теперь я – тигры, а ты – моя добыча. И если ты всё ещё думаешь, что я пощажу тебя при нашей следующей встрече, то остановись ненадолго на вершине того холма и обернись.

Юань Цань вытер слёзы и сел на коня:

- Прощай, Ли Чжэн!

Ответом ему были лишь горестные рыдания. Юань Цань приказал своим людям трогаться.

Когда они взобрались на холм, Юань Цань обернулся и увидел, как из чащи на дорогу выскочил тигр. Тигр замер, поднял морду к луне, уже едва различимой на небе, и трижды прорычал. Когда последнее эхо растворилось в долине, тигр снова скрылся в лесу.

С тех пор о нём никто не слышал.

перевод С. О. Сиренко

Примечания:

1. **Кэцзюй** – система государственных экзаменов в Китае. К экзаменам допускался любой мужчина, но только успешно сдавшие экзамены могли получить пост чиновника.

2. Перевод с английского. В оригинале стихотворение представляет собой классический по форме семисложный китайский стих, типичный для поэзии династии Тан:

偶因狂疾成殊類　災患相仍不可逃
今日爪牙誰敢敵　当時声跡共相高
我為異物蓬茅下　君已乗軺気勢豪
此夕渓山対明月　不成長嘯但成嗥

Having chanced to go mad, I became a wild beast.
Calamity piled upon calamity – I cannot escape my fate.
Who could now withstand my fangs and claws?
Yet in student days I shared your bright promise -
Now I have become a beast crouching in the thicket,
While you ride grandly in an official’s carriage.
Tonight I gaze at the bright moon over the mountain.
Unable to sing an ode, I can only howl.

(translated by Paul McCarthy)